

Владимир КАРПОВ

(1922 — 2010)

ПЕРВЫЕ ДНИ МИРА

*Главы из книги
«Генералиссимус»*

Секретная операция

Не верилось, что война кончилась. Внутренняя настороженность, тревожное ощущение опасности, готовность к бою некоторое время, как электрические заряды, продолжали пульсировать в подсознании.

Потом пришла радость. Безграничная, лёгкая, светлая, но всё ещё с маленьким сомнением в глубине души: неужели правда всё кончилось?!

Это личные ощущения. Не могу утверждать, что все фронтовики (да и те, кто жил в тылу) чувствовали то же, но нечто похожее — несомненно. А в масштабах исторических, государственных наступал новый этап бурного двадцатого века. Ох и грозный век выпал на нашу долю! Только в первой половине его прогремели две самые истребительные мировые войны.

Наше поколение узнало, как начинается война, как перемалывает она в своих безжалостных жерновах миллионы людей. Мы познали на себе, что означают слова «война есть продолжение политики иными (вооружёнными) средствами». Предстояло спокойно оглядеться и понять — что же натворили? Об этом мудрец сказал: «История — это политика, обращённая в прошлое». Опять политика! Но эти две политики мы уже попробовали. А какая политика начинается? Конец войны — начало чего? Мы знали об этом по учебникам, книгам, кинофильмам, картинам в музеях. Как раньше завершались войны и как люди вступали в мир? Захват, делёж добычи, месть за погибших родственников и друзей, пьянство и обжорство в домах победителей, насилие над женщинами, мародёрство и постепенное разложение армии. Во все века завоева-

тели грабили, разрушали, жгли захваченные города. В древние времена жителей истребляли или обращали в рабов. Извините за хрестоматийные примеры, других просто нет.

Так в 146 году до нашей эры римляне после трёхлетней осады штурмом взяли Карфаген и не только разрушили до основания один из красивейших городов того времени, но ещё и распахали его территорию, чтоб никогда не возродился! Жители Карфагена были обращены в рабов и распроданы.

После вступления в Москву Наполеона от неё осталось пепелище. Правда, французам помогли жечь столицу патриоты, но как бы там ни было, а на месте первопрестольной после врагов тлели одни головешки да чернело несколько обгоревших каменных строений.

Однако бывало и иное: русские войска, изгнав Бонапарта, вступили в Париж и не тронули его жителей, пощадили, не мстили за убитых соотечественников, не рушили, не грабили дома, как это делали французы на нашей земле.

По замыслу Гитлера, после захвата Москвы её надлежало сровнять с землёй и затопить. Там, где находился город, должно образоваться море, чтобы никогда не возродилась столица русского народа. Ни один её житель — будь то мужчина, женщина или ребёнок — не должен

покинуть Москву: всех уничтожить! Фюрер явно хотел превзойти завоевателей Карфагена!

И, повторяя благородство своих предков, русские воины (немцы всех советских воинов, независимо от национальности, звали русскими), войдя в Берлин, не грабили, не разрушали, не мстили. Наша армия проявляла великий гуманизм и благородство. И было это нелегко и непросто. Ну а если и случались поступки, похожие на те, что творили завоеватели в далёкие времена, так это было исключением, к тому же за такое карали.

Немцы боязливо выглядывали из подвалов — ждали обещанной гитлеровской пропагандой кровавой расправы. Но загадочные русские стали... расчищать улицы, гасить пожары. Позднее, на пресс-конференции, Жукову был задан такой вопрос:

— Для многих в мире осталось загадкой — как удалось сдержать гнев и мщение, когда советские солдаты вступили в Берлин, изгнав врага, допустившего невиданные зверства на нашей территории?

Жуков ответил:

— Честно говоря, когда шла война, все мы, и я в том числе, были полны решимости воздать сполна фашистам за их бесчинства на нашей земле. Но мы сдержали свой гнев. Наши идеологические убеждения, интернациональные чувства не позволили отдаться слепой мести.

Огромную роль тут сыграли воспитательная работа и великодушные, свойственные нашему народу.

Да, непросто было проявить наше извечное благородство! И дело не только в душевных переживаниях. Гнев сдержатъ — это полдела. Истинное благородство было ещё и в огромных трудах. Город был переполнен трупами людей и животных. Только в метро, затопленном по приказу Гитлера, тоннели и станции были забиты трупами женщин, детей и стариков.

Надо было спасти уцелевших жителей от эпидемии, которая неминуемо разразилась бы при наступившей жаркой погоде. Четыре миллиона жителей, оставшихся в каменных джунглях без воды и продовольствия, надо было накормить и напоить. Голодные, обессиленные (многие раненые) люди лежали в развалинах и подвалах, некоторых трудно было отличить от трупов.

Сталин приказал войскам оказать помощь населению Берлина. Были развернуты пункты питания. Армейские полевые кухни готовили пищу на перекрестках улиц, и здесь же выдавался хлеб. Солдаты вместе с недавно враждебным населением расчищали улицы, вывозили раненых и хоронили мёртвых.

Через несколько дней город был приведён в удовлетворительное санитарное состояние.

По расчищенным улицам уже можно было регулярно подвозить продукты.

Вскоре были отремонтированы и заработали больницы, школы, кинотеатры.

«Где можно найти в истории такую оккупационную армию, — писал Отто Гротеволь, — которая пять недель спустя после окончания войны дала бы возможность населению оккупированного государства создавать партии, издавать газеты, предоставила бы свободу собраний и выступлений?»

Все эти огромные усилия происходили, конечно же, не только по доброте и желанию наших солдат и офицеров. Нужны были чёткая организация и соответствующее материальное обеспечение. Сталин разрешил выделить всё необходимое.

Военный совет под руководством Жукова для поддержания порядка создал в городе комендатуру; первым комендантом Берлина стал один из тех, кто умело освобождал город от фашистов, генерал-полковник Берзарин. Были созданы комендатуры и в других городах.

Учитывая наступившую весну, Сталин приказал помочь, и советское командование организовало посевную, населению были выделены трактора, горючее, семена, делалось всё необходимое для восстановления хозяйства.

Между тем уцелевшие руководители фашистского рейха

не теряли надежды сохранить не только себя, но и нацистское государство. Как известно, Гитлер перед тем, как покончить жизнь самоубийством, написал два завещания: одно личное и второе политическое. Выполняя волю фюрера, гросс-адмирал Дёниц сформировал правительство и обосновался с ним в городе Фленсбурге, который находился в английской зоне оккупации.

Я считаю, мне и читателям очень повезло: у меня состоялась встреча с человеком, который с группой офицеров по поручению Сталина участвовал в аресте последнего правительства фашистской Германии во главе с адмиралом Дёницем. Это генерал Трусов Николай Михайлович. В Берлинской операции он являлся начальником разведки в штабе Жукова.

Подписание акта о безоговорочной капитуляции подводило итог сражения на поле брани и фиксировало полный разгром гитлеровской армии. Операция, о которой я поведаю рассказ, была не сражением, а скорее, пожалуй, политической акцией. Но дело это было боевое, опасное, связанное с большим риском для его участников.

Читатели, особенно участники войны, наверно, напрягают память: о какой же операции ведёт речь автор? Что это за загадочная акция, которую не сразу вспомнишь?

И действительно, это была необычная, последняя схватка, и знали о ней тогда немногие.

Проводилась она Сталиным с соблюдением секретности. И может быть, поэтому даже после успешного завершения о ней мало знали и мало писали. В трудах военных историков и журналистов об этой акции упоминалось обычно в общих чертах. Я не претендую на лавры первооткрывателя. Но не стану и умалять проделанную мной работу. Тем более что значение этого моего труда объективно оценивает известный историк, профессор и доктор наук, автор многих широко известных книг Г.Л. Розанов. В своей книге «Конец третьего рейха», которая, на мой взгляд, представляет собой не только художественно-публицистическое произведение, но и фундаментальное историческое исследование, профессор, касаясь операции, о которой я хочу рассказать, делает такое примечание: «В мае 1982 г. генерал-лейтенант Н.М. Трусов подробно рассказал о своей миссии во Фленсбург известному советскому писателю В. Карпову. Опубликованные последним в «Литературной газете» (18 мая 1982 г.) материалы использованы в настоящей главе».

Мне хочется отметить порядочность Германа Леонтьевича Розанова, потому что в наши дни (да и раньше) некоторые

пишущие «сдирали» и присваивали факты и мысли, изложенные другими авторами. Привожу я эту оговорку ещё и потому, что она свидетельствует: до 1985 года, спустя 40 лет, даже такой широко информированный учёный-историк, каким является Розанов, ещё не знал подробностей той операции.

Но — по порядку. 16 мая в наших газетах была опубликована последняя сводка Советского Информбюро о том, что советские войска закончили приём сдавшихся в плен немецко-фашистских войск по всему советско-германскому фронту.

Таким образом, на нашей стороне был полный порядок — выполнялись обязательства перед союзниками и условия акта о капитуляции. Но на территории, оккупированной союзниками, как стало известно Сталину, было далеко до наведения порядка. И даже напротив — творились очень странные дела.

В английской зоне были не расформированы и не переведены на положение военнопленных около 1 миллиона немецких солдат и офицеров, с которыми даже проводились занятия по боевой подготовке.

Кроме того, сохранила свой штаб и два корпуса, численностью более 100 тысяч человек каждый, армейская группа Мюллера, переименованная в группу

«Норд». Гитлеровцы ходили в своей форме, носили награды, приветствовали друг друга прежним нацистским вскидыванием руки. Единственное, что изменилось, это возглас: поскольку Гитлер был мёртв, теперь осталось просто «Хайль», а кое-кто уже добавлял «Хайль Дёниц». Почему же такое происходило?

Перед самоубийством Гитлер своим преемником определил гросс-адмирала Дёница и назначил министров его правительства. В политическом завещании была изложена программа действий этого правительства. Дёниц в те дни находился во Фленсбурге, за Кильским каналом. Английские войска в ходе боевых действий, продвигаясь вперёд, не заняли эту территорию. Выполняя завещание фюрера, Дёниц принял на себя общее руководство, сформировал правительство, объявил его единственным законным правительством Германии.

Сохранилась запись первой короткой речи Дёница, с которой он обратился к своим соратникам: «Друзья, нам должно быть ясно, что мы полностью находимся в руках противников. Наша будущая судьба мрачна. Что они с нами сделают, мы не знаем. Но мы хорошо знаем, что должны делать сами. Политическая линия, которой мы должны следовать, очень проста. Ясно, что мы должны идти вместе с

западными державами и сотрудничать с ними в оккупированных западных областях, ибо только при помощи сотрудничества с ними сможем потом надеяться, что отнимем наши земли у русских».

Черчилль позднее в мемуарах не скрывал своих предательских (как союзник) намерений по отношению к «русским». Приведу лишь одну, хотя и широко известную, цитату из директивы, данной им Монтгомери: «Тщательно собирать германское оружие и складировать его, чтобы его легко можно было раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжилось».

Монтгомери всё понимал прекрасно и позднее в мемуарах писал: «Германские военные руководители, которые спаслись от русских, весьма охотно хотели стать друзьями англичан и выполняли бы, что мы хотели. Однако в оплату за это сотрудничество они ожидали, что с ними будут обращаться как с союзниками англичан против русских».

Наша разведка работала плохо, сведения о происходящем в зонах союзников легли на стол Сталина. Верховный Главнокомандующий, как известно, человек был крутой (тем более, после такой громовой победы). Он стал действовать быстро и решительно.

Подготовка и начало этой акции происходили так.

В кабинете Верховного находились Молотов, Ворошилов и Жуков. Сталин сказал:

— В то время как мы всех солдат и офицеров немецкой армии разоружили и направили в лагерь для военнопленных, англичане сохраняют немецкие войска в полной боевой готовности и устанавливают с ними сотрудничество. До сих пор штабы немецких войск во главе с их бывшими командующими пользуются полной свободой и по указанию Монтгомери собирают и приводят в порядок оружие и боевую технику своих войск. Я думаю, — продолжал Верховный, — англичане стремятся сохранить немецкие войска, чтобы использовать позже. А это прямое нарушение договорённости между главами правительств о немедленном роспуске немецких войск.

Обращаясь к Молотову, Сталин произнёс:

— Надо ускорить отправку нашей делегации в Контрольную Комиссию, которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Дёница, немецких генералов и офицеров.

— Советская делегация завтра выезжает во Фленсбург, — ответил Молотов.

Далее Сталин сообщил о решении союзников создать Контрольный Совет по управлению

Германией, куда войдут представители всех четырёх стран: от США — генерал армии Эйзенхауэр, от Англии — фельдмаршал Монтгомери, от Франции — генерал Жан де Латр де Тассиньи.

— Мы решили, — сказал Сталин, — поручить вам, товарищ Жуков, должность главного начальника по управлению Германией от Советского Союза. Помимо штаба Главкома, нужно создать советскую военную администрацию. Вам нужно иметь заместителя по военной администрации. Кого вы хотите иметь своим заместителем?

Жуков назвал генерала Соколовского. Сталин согласился.

Начальника разведывательного управления 1-го Белорусского фронта генерала Урусова Верховный утвердил представителем от советской стороны для ареста правительства Дёница...

По ходу повествования мы ещё не раз встретимся с генералом Урусовым. После того как оба ушли в отставку, мы подружились. Николай Михайлович много рассказывал мне для книги «Полководец». Он был в 1942 году начальником разведки на Северо-Кавказском фронте, которым командовал И.Е. Петров. А теперь, для освещения операции, о которой пойдёт рассказ, он снова очень помог мне. Вот несколько слов из его письма:

«Уважаемый Владимир Васильевич!

Посылаю отдельные заметки на четыре группы вопросов, ко-

торые были сформулированы в твоей записке. Если эти заметки принесут какую-то пользу, то я буду весьма доволен...

С уважением к тебе —
Трусов

14.3.83».

После одной из бесед я оставил Николаю Михайловичу вопросник, и он, человек обязательный, не забыл ответить.

На мой взгляд, самым достоверным станет рассказ живого участника событий того далёкого мая 1945 года. Теперь Трусова нет в живых, но я не стану править записанные мной беседы с ним. Пусть он останется и в нашем восприятии живым собеседником.

Итак, мы сидим в квартире Урусова на Плющихе, его жена и верная подруга во все годы их жизни, Анна Дмитриевна, поит нас отлично заваренным чаем.

— Каждому событию предшествуют или подготовка, или стечение обстоятельств, порождающих это событие, — начал Николай Михайлович. — Накануне самоубийства — 29 апреля — Гитлер подписал документ под названием «Политическое завещание». Текст его через несколько дней был у меня в сейфе. В нём назначается новое правительство и верховное командование вооружённых сил Германии. Согласно завещанию, посты распределялись так: Дёниц — президент, Геббельс — имперский канцлер, Борман — министр по

делам нацистской партии, Зейс-Инкварт — министр иностранных дел, Гислер — министр внутренних дел, Ханке — министр по делам полиции, фельдмаршал Шёрнер — главнокомандующий сухопутными войсками.

Я спросил:

— По каким соображениям Гитлер своим преемником назначил гросс-адмирала Дёница? Почему на нём остановил выбор? Ведь раньше официально преемником в случае кончины Гитлера был назначен Геринг.

Николай Михайлович улыбнулся:

— Геринг, как говорится, не оправдал доверия фюрера, он за его спиной, не согласовав с ним свои действия, а точнее, спасая свою шкуру и богатство, стал вести переговоры с американцами: ещё когда германская армия сражалась или делала вид, что сражается, с нашими союзниками, наступающими с запада. Разгневанный фюрер расценил это как предательство. Вот тогда и встал вопрос о новом преемнике. Выбор на гросс-адмирала Дёница пал неслучайно. Он был не только верный сторонник нацизма, но ещё имел связи с финансовыми магнатами, он был родственником миллионера и крупного промышленника Сименса. Пушки умолкали, наступала тихая пора действий. Гросс-адмирал Дёниц был очень подходящим человеком для представителей финансовых

и промышленных кругов Германии и западных стран, да и для оставшихся в живых главарей фашизма. 30 апреля 1945 года в 18 часов 30 минут Дёниц получил в городе Плён телеграмму, отправленную из Берлина, за подписью Бормана.

Николай Михайлович весело глянул на меня:

— Я сам читал телеграмму, поэтому так точно называю дату и время. В ней говорилось: «Вместо прежнего рейхсмаршала Геринга фюрер назначил вас, гросс-адмирал, своим преемником. Письменные полномочия в пути. С этого момента вам надлежит предпринимать необходимые меры, вытекающие из современной обстановки».

Дёниц на эту телеграмму ответил: «Мой фюрер, моя верность вам остаётся непоколебимой. Я приму все необходимые меры, чтобы облегчить ваше положение в Берлине. Но если судьба принудит меня, как вашего преемника, быть первым человеком немецкого рейха, то я закончу войну так, как того требует неповторимая героическая борьба германского народа».

Дёниц перебрался в город Фленсбург и приступил к активным действиям, сформировал правительство и претендовал на то, что оно представляет всю Германию и начинает вести её основную послевоенную политику. Одним из самых заветных,

но, разумеется, тайных желаний этого правительства было намерение поссорить союзников, победителей.

Николай Михайлович помолчал, видимо, вспоминая те дни, и продолжал:

— Нам было известно, что существует правительство Дёница и чем оно занимается. Черчилль возлагал на это правительство большие надежды, что подтверждает сам факт его создания в английской зоне. Покровительство англичан Дёницу, я думаю, было неслучайно и объясняется не только заботами тех дней.

Посмотрев на меня с доброй хитринкой, генерал спросил:

— Как вы думаете, не имеет ли это связи с тем, что Дёниц во второй половине 1918 года был взят англичанами в плен вместе с частью экипажа тонущей подводной лодки? На поверхности их подобрал английский эсминец. Только через год, во второй половине 1919 года, Дёниц возвратился в Германию. Кроме того, общеизвестно, что бывший гросс-адмирал Дёниц на Нюрнбергском процессе, пожалуй, не обвинялся, а опекался со стороны Англии. Заместитель английского главного обвинителя не требовал смертной казни Дёницу, а вёл такую линию, что Дёниц получил минимальный срок наказания. Гросс-адмирал Дёниц был единственным обвиняемым на Нюрнбергском процессе,

который получил только 10 лет тюремного заключения, хотя не меньше других совершил военных преступлений против человечества, был одним из видных лиц нацизма и полностью ответствен за чудовищные преступления фашизма. Ну, ещё напомним, что на смерть Дёница, бывшего гросс-адмирала гитлеровского флота, лондонская газета «Таймс» в 1981 году опубликовала некролог в половину газетной полосы. В некрологе самым почтительным образом воздаётся дань его заслугам, таланту, знанию военного дела и ничего не говорится о его преступлениях перед человечеством во Второй мировой войне.

— И вот, — увлёкся своими воспоминаниями Николай Михайлович Трусов, — Верховный Главнокомандующий утвердил меня представителем от советской стороны для ареста правительства Дёница. Из Москвы прилетело несколько офицеров, которые вошли в мою группу. Мне поручалось на период проведения операции держать связь непосредственно с Москвой, для чего я взял с собой радиостанцию и необходимые шифры. Приказано: подобрать группу в 20–25 офицеров, 17 мая быть во Фленсбурге и в возможно короткий срок выполнить задание.

Заехать-то в их зону мы заедем, но вернёмся ли оттуда в случае своей большой настойчивости,

да и вообще, если узнаем кое-что такое, что не захотят предавать гласности англичане? Уж кто-кто, а они умели заставлять замолчать неугодных им людей, этому можно найти подтверждающие факты на любой странице их истории.

В общем, я всё подготовил, товарищи чекисты, включённые в мою группу, из Москвы прилетели вовремя, старшим среди них был спокойный, понравившийся мне с первого взгляда Горбушин Василий Иванович. Он ленинградец, как и я, начал жизнь рабочим Кировского завода. Перед войной был уже мастером механического цеха, и горьком направил его на работу в органы государственной безопасности. Горбушин пережил блокаду и затем прошёл боевой путь до Берлина.

Оказавшись за Кильским каналом, мы как бы попали в довоенную фашистскую Германию: всюду видны старые названия улиц, фашистские указатели, кругом свастика, фашистское приветствие поднятием руки — и масса немецких военных в сухопутной, эсэсовской и морской форме, все при орденах, со знаками различия. Было очевидно: здесь в полной мере продолжал существовать гитлеровский порядок, действовали фашистские законы.

В городе Фленсбурге функционировал городской транспорт, работали магазины, оживлённое

уличное движение регулировали пожилые полицейские в форме, которую они носили и при Гитлере.

В порту находилось много немецких военных кораблей. Экипажи этих кораблей жили обычной жизнью: уходили на берег, возвращались из городского отпуска. На кораблях отбивались склянки и развевались немецкие флаги со свастикой.

Во Фленсбурге находилось и продолжало функционировать верховное командование фашистской Германии (ОКВ) во главе с генерал-полковником Йодлем — начальником штаба руководства. Как будто не было ни поражения, ни подписания акта о безоговорочной капитуляции. Нам тогда показалось, что нацистам оставлена эта территория преднамеренно, даётся возможность сохранить кадры, переждать «ненастье». Это был какой-то музей — не восковых, а живых фигур, и не только фигур, но и фашистских порядков, образа жизни.

В Фленсбург раньше нас прибыли американская делегация, её возглавлял генерал-майор Рукс, и английская делегация во главе с бригадным генералом Фордом. Мы встретились с ними в день приезда

— 17 мая — и провели совещание по предстоящей работе.

Бригадный генерал Форд пу-гал советскую и американскую

делегации, что если немедленно приступим к ликвидации правительства Дёница, то он не исключает вооружённых выступлений во Фленсбурге морских немецких школ, мятежных действий эсэсовских подразделений.

Форд, на правах хорошо осведомлённого хозяина в этой английской зоне оккупации, пытался представить дело так, что итогом нашей работы во Фленсбурге должно быть «разъяснение» своим правительствам того положения, что группа Дёница полезна на данной стадии управления Германией и её пока не надо ликвидировать.

Нам приступать к выполнению задания немедленно действительно было невозможно, следовало осмотреться, сориентироваться, найти выход. Англичане как хозяева предложили нашей делегации несколько вариантов для размещения: в гостинице, в отдельном доме в городе или за городом. Учитывая обстановку и то, что местные газеты уже сообщили о нашем прибытии, причём явно недружелюбно, надо было располагать группу с учётом безопасности и даже возможности защитить себя в случае нападения. Поэтому я решил поселить нашу группу на пассажирском корабле «Патрия». Он стоял у пирса, был связан с землёй только трапом, и в случае опасности мы сможем или отплыть в море, или своими

силами отстреливаться, не пуская на трап нападающих. Несколько неожиданным для нас было решение английской и американской делегаций тоже поселиться на этом корабле. Внешне они так поступали из чувства союзнической солидарности, удобства совместной работы, но я понимал: было здесь намерение постоянно держать нас в поле зрения, знать о передвижениях всех офицеров нашей группы...

...В таких условиях, после размещения на корабле, Трусов, не теряя ни минуты, начал действовать.

Он поставил конкретные задачи всем членам группы и сам за короткое время успел сделать немало. Вот выдержка из его доклада:

«18-го мая беседовал с генерал-полковником немецкой армии Йодлем.

Йодль после ареста Кейтеля занимает пост начальника штаба верховного командования. Штаб верховного командования (ОКВ) разделён на две части. Около 60 % штаба находится во Фленсбурге, около 40 % — в Петергардене, подробный состав штаба высылаю самолётом. Кроме радиосвязи открытым текстом, никакой другой связи между двумя частями штаба нет».

Далее Трусов докладывает о реальных силах, которыми руководит штаб. И ещё о том, что его очень насторожил незаконный

делёж немецкого флота между англичанами и американцами.

В следующей шифровке Николай Михайлович доносит о том, что ему удалось выяснить в отношении флота:

«1. ...установлено, что немцы передали союзникам... всего в зоне от Кильского канала, включая Данию, 2600 сухопутных самолётов и 66 гидросамолётов.

Документы о переданных союзникам самолётах высылаю самолётом.

2. ...после капитуляции англичане захватили в водах Балтийского моря и Северного моря следующий немецкий флот: крейсеров лёгких и тяжёлых 9, миноносцев 12, подводных лодок 195 (далее идёт перечисление многих видов кораблей). Всего 258 единиц боевых кораблей. Кроме того, торговых судов 951 единица.

Документальные данные по морскому флоту высылаю...

По данным, полученным из бесед с американскими и английскими офицерами, англичане не намерены выделять Советскому Союзу какую-либо долю из военного и торгового морских флотов.

Американцы не возражают против выделения Советскому Союзу определённой доли морских сил Германии...»

Донесения Трусова печатаются в строго ограниченном количестве экземпляров и рассылаются только Сталину, Молотову,

Жукову, Булганину, Берии, Антонову (последний был тогда начальником Генерального штаба).

— Бригадный генерал Форд, — продолжает свой рассказ Трусов, — всячески противился моей встрече с Дёницем. Дёниц якобы всё изложит по общей просьбе трёх представителей на бумаге, и копию этой бумаги англичане передадут представителю каждой стороны. Я настаивал на том, чтобы встреча с Дёницем состоялась. После долгих проволочек и многих попыток отговорить меня от встречи генерал Форд всё же свёл меня с Дёницем при условии, что я не буду вести протокол допроса, а выясню у него только некоторые вопросы, касающиеся деятельности его как главы правительства, составленного по завещанию Гитлера от 29 апреля 1945 года.

В сопровождении нашего полковника В.И. Смирнова и бригадного генерала Форда я вошёл в кабинет Дёница. Кабинет был большой, старинная деревянная мебель, на стене портрет Гитлера. При нашем появлении Дёниц встал из-за стола и пытался приветствовать нас традиционным жестом гитлеровцев. Но, увидев наши недовольные лица, как-то неловко опустил руку и показал ею на стоящие вокруг стола стулья.

Дёниц был в форме адмирала. Ему исполнилось 53 года, выглядел свежим, подтянутым

военным человеком, среднего роста, приглашенные волосы с сединой на висках. Взгляд Дёница не был сосредоточенным, глаза его бегали, и была заметна какая-то неуверенность в его жестах, хотя внешне он держался спокойно. Я спросил Дёница о составе правительства. И, как вы понимаете, меня интересовал не столько его сегодняшний состав, как то, куда делись лица, коих предназначал включить в этот состав Гитлер в своём завещании. Мне уже было известно, что тех главарей, которых назвал фюрер, в правительстве нет. Где же они?

О деятельности своего правительства Дёниц отвечал неохотно, правда, назвал полный его состав и много говорил о трудностях при его формировании, потому что тех людей, которые были указаны в завещании Гитлера, не оказалось на месте.

Я спросил: «Почему не включены в состав правительства в Фленсбурге Борман и другие руководители рейха?» Дёниц заявил, что он неоднократно пытался установить местонахождение этих лиц, в том числе и Бормана, пытался наладить с ним связь, но успеха не имел. Далее Дёниц сказал, что к нему приходил Гиммлер и предлагал своё сотрудничество, просил быть вторым лицом. Гиммлеру он отказал, и тот ушёл, не сказав, куда направляется.

В течение всей «аудиенции» Дёниц не спускал глаз с бригадного генерала Форда, как бы дожидаясь одобрения своих ответов на мои вопросы.

Наша делегация настояла на том, чтобы арест провести одновременно, по утверждённому нами списку. А надо сказать, список был немалый — в него мы на совместном заседании включили более двухсот крупных нацистов. Наконец мы обо всём договорились, арест был намечен на 23 мая 1945 года, операция проводится одновременно по всем известным нам адресам.

Хочу обратить внимание читателей на то, что генерал Трусов не только выполнил прямое поручение Сталина «об аресте правительства Дёница», но по своей инициативе ещё прихватил и весь штаб верховного командования германской армии. Я подчеркиваю, «весь штаб», чтобы и зародыша для воскрешения не осталось.

И ещё нашёл себе дополнительные хлопоты энергичный генерал, о чём также сообщает в Москву: «Наши предложения о создании комиссии и об учёте архивов приняты».

Как пригодились эти архивы на Нюрнбергском процессе! А не прояви инициативы генерал Трусов, многие из этих очень важных документов могли быть уничтожены гитлеровцами или

просто утеряны после ареста немецких работников штаба.

В решающий день, а вернее, ночь, у Трусова возникли большие затруднения. В его группе двадцать пять человек, арест будут проводить английские солдаты и офицеры. Для того чтобы осуществить контроль и проявить настойчивость, если таковая потребуется, Трусов распределил своих офицеров в английские группы и соответственно их проинструктировал. Накануне проведения операции они получили сведения, которые потребовали срочных активных действий не только во Фленсбурге.

Тут я передаю слово Василию Ивановичу Горбушину. Он рассказывает:

«Мне и подполковнику Ивлеву удалось установить, что все немецкие документы разведывательного характера о Советской Армии англичане успели вывезти из Фленсбурга в бельгийский город Дист. Я доложил об этом генералу Трусову и просил вступить в переговоры о передаче этих документов нам. Англичане согласились с нашими доводами и поручили одному из своих офицеров сопровождать меня и подполковника Ивлева в Дист».

(Было решено, что Горбушин и Ивлев уедут после проведения операции по аресту в Дист).

На рассвете 23 мая операция началась. Группы разъехались по намеченным адресам. Руководители союзных делегаций вызвали

президента и военного министра незаконного правительства Германии гросс-адмирала Дёница, начальника штаба оперативного руководства генерал-полковника Йодля и главнокомандующего военно-морскими силами адмирала Фридебурга. Представители трёх сторон — советской, американской и английской — объявили, что с этого момента так называемое правительство Дёница распускается, они трое берутся под стражу, все правительственные институты прекращают своё существование, а весь личный состав правительства и чиновники правительственных учреждений тоже берутся под стражу.

В целом операция была проведена по намеченному плану, успешно. Правда, из-за невнимательности английской охраны адмирал Фридебург уже после ареста вышел в туалет и там отравился бывшей при нём ампулой с цианистым калием.

Тут вновь продолжает рассказ Горбушин, лично присутствовавший при следующем важном событии:

«Вскоре после этого англичане информировали генерала Трусова, что в городе Люнебург, примерно при таких же обстоятельствах, покончил жизнь самоубийством рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. В связи с этим было решено совместить мою поездку в Дист с заездом в Люнебург.

Рано утром 24 мая я и подполковник Ивлев в сопровождении майора английской армии выехали из Фленсбурга. У шлагбаума на окраине Люнебурга нас ожидал офицер английской армии, указавший дорогу к зданию, где находился труп Гимmlера. Войдя в это здание, мы увидели лежащего на полу Гимmlера — самую кровавую, зловещую личность рейха, рейхсфюрера СС, начальника политической полиции, министра внутренних дел.

Из бесед с английскими офицерами выяснилась следующая картина самоубийства Гимmlера.

В один из майских дней английский патруль задержал на улице в Люнебурге трёх неизвестных нарушителей комендантского часа и направил их в лагерь для гражданских лиц, размещённый на окраине города. Как позже стало известно, эти нарушители наткнулись не на англичан, а на двух наших солдат — Ивана Сидорова, уроженца Саратовской области, и Василия Губарева из Рязани. Их, пленённых немцами, освободили из лагеря англичане и предложили нести патрульную службу при английской военной комендатуре.

Доставив Гимmlера в штаб английских войск в Люнебурге, полковник распорядился его обыскать.

Гимmlера раздели, предложили открыть рот. Увидев во рту

стеклянную ампулу, врач, производивший обыск, попытался её выхватить, но Гимmlер раздавил ампулу.

Таков был рассказ английских офицеров.

Я попросил полковника сделать снимки трупа Гимmlера и письменно изложить обстоятельства его смерти. Полковник просьбу мою выполнил и вечером через офицера связи передал две фотоплёнки, а также письменное объяснение своих сотрудников и одну из трёх ампул цианистого калия, обнаруженных в одежде Гимmlера.

26 мая мы поехали дальше. В районе Рура переночевали и спустя день прибыли в Дист — в лагерь военных преступников. Коменданта лагеря заранее предупредили о цели нашего приезда, и он сразу же велел принести немецкие, как он выразился, «документы о русских». Нам доставили три больших ящика с бумагами. Документы, составленные на русском и немецком языках, содержали материалы разведывательной деятельности различных ведомств и служб гитлеровского рейха.

Не задерживаясь в этом лагере, мы с Ивлевым выехали в Брюссель».

На этом миссия группы генерала Трусова не завершилась. Как было сказано выше, Трусов обнаружил захват англичанами военно-морского и гражданского

флотов. Николай Михайлович проделал огромную работу и склонил на нашу сторону американцев, доказав им, что будет более справедливым поделить корабли между союзниками поровну.

Об этом Трусов доложил в Москву:

«Американское правительство материально не заинтересовано ни в боевых кораблях, ни в подводных лодках, ни в торговом флоте Германии. Оно согласно, в принципе, поделить флот на 4 части — СССР, Англия, США, Франция.

Для ускорения решения вопроса раздела германского флота американская сторона считает необходимым в ближайшие дни создать морские комиссии от СССР, Англии и Америки.

Созыв конференции с участием этих комиссий должен произойти в результате обращения маршала Жукова или Верховного Командования к генералу Эйзенхауэру.

Американцы не будут выступать в совместной линии с англичанами, напротив, поддержат наше требование на 1/3 германского флота».

Трусов, не будучи морским специалистом, рекомендовал назначить председателем комиссии по разделу флота не ниже вице-адмирала и просил дать ответ сегодня же по поводу согласия на проведение предлагаемых мероприятий.

Рассказывая об этом, Николай Михайлович усмехнулся:

— Вот видите, до чего мы обнаглели: самому Сталину предлагали давать ответ немедленно.

В заключение скажу о том, что в результате инициативных действий группы Трусова наша страна не упустила значительные трофеи из состава морского флота Германии. А те из вас, кто плавал по Чёрному морю на теплоходе «Россия», плавали на той самой «Патрии», где жила группа Трусова.

Николай Михайлович так подвёл итог нашей беседы:

«Из Фленсбурга мы выехали с чувством выполненной миссии, возложенной на нас. Правительство Дёница перестало существовать, арест высокопоставленных нацистов способствовал организации Нюрнбергского судебного процесса. Во Фленсбурге нам удалось добыть важные немецкие документы, мы привезли с собой оттуда значительную часть архива германского генерального штаба, материалы которого были использованы на Нюрнбергском процессе и раскрывали подготовку и развязывание агрессивных войн в Европе и против СССР. Во Фленсбурге нам удалось добыть также немецкие карты морского штаба с минной обстановкой по всей акватории Балтийского моря, эти карты значительно облегчили нашим морякам разминирование Балтийского моря и

спасли от гибели многих людей и суда многих государств. Вот такое личное задание Сталина довелось мне выполнить сразу после войны.

Если акт о безоговорочной капитуляции гитлеровских вооружённых сил фиксировал прекращение боевых действий «на суше, на море и в воздухе», то арест правительства Дёница ставил последнюю точку: было ликвидировано нацистское правительство — третий рейх как государство перестал существовать не только фактически, но и официально, юридически.

При аресте адмирала Дёница в его личном портфеле оказались подлинники завещания Гитлера.

Позднее эти завещания публиковались в сотнях различных изданий, начиная от газет, кончая мемуарами государственных деятелей».

Встреча с Гопкинсом

В мае 1945 года Сталину нанёс визит Гарри Гопкинс, особо доверенное лицо президента США.

Гопкинс, по мнению Сталина, был выдающейся личностью. Он много сделал для укрепления деловых связей США с Советским Союзом. Кстати, первая их личная встреча состоялась в июле 1941 года, когда гитлеровцы рвались к Москве. В те дни почти никто не сомневался в скорой победе германской армии.

Президент США хотел знать истинное положение, он послал Гопкинса якобы для изучения вопроса об американских поставках в СССР. Но главная его задача была выяснить, «как долго продержатся русские». Гопкинс из бесед со Сталиным уверился, что русские будут драться до победного конца, он убедил в этом и президента Рузвельта, чем, несомненно, повлиял на решение президента разработать целую программу помощи Советскому Союзу.

Гопкинс действительно дружески относился к нашей стране, и его влияние на президента и правительство США принесло немалую пользу в укреплении союзнических отношений между нашими странами, да и в материальной помощи в трудные годы войны. Он приложил много усилий и для принятия закона о ленд-лизе.

Сталин относился с уважением к доброжелательному американцу, и новый президент Трумэн неслучайно прислал именно Гопкинса на переговоры со Сталиным. После окончания войны отношения союзников стали меняться в сторону ухудшения. Западные страны всячески пытались не допустить укрепления наших позиций в Европе. Сталин был твёрд в проведении своей политики. И вот, после неудачных попыток сломить советскую сторону на конференции в Сан-Франциско (откуда Молотов

уехал до её окончания), Трумэн решил послать Гопкинса как «друга Сталина», с которым он будет более сговорчив.

Гопкинс, старый и больной, к тому времени уже оставил государственную службу. Но, услышав предложение Трумэна, словно боевой конь, воспрянул духом, почувствовал прилив новых сил и согласился осуществить высокую миссию.

В моей библиотеке есть полная запись всех бесед Гопкинса со Сталиным, но поскольку этот материал довольно объёмистый, приведу из него только то, что имеет прямое отношение к Сталину.

Первая беседа состоялась 26 мая в 8 часов вечера, в ней участвовали Сталин, Молотов, Павлов (переводчик; я не раз с ним беседовал). Американскую сторону представляли Гопкинс, Гарриман (посол США в СССР), Болен (помощник госсекретаря США).

Сталин встретил Гопкинса очень радушно. Они оба с удовольствием вспоминали свою первую встречу в тревожные и опасные дни июля 1941 года. Помянули добрым словом Рузвельта, которого оба уважали. Перейдя к делу, касались многих острых тогда политических проблем. Гопкинс сообщил, что в Контрольный Совет по Германии американским представителем назначен генерал Эйзенхауэр. Сталин не знал об этом. Он тут

же принял решение назначить не менее значительную фигуру:

— Советским представителем в Контрольный Совет будет назначен маршал Жуков.

Ни минуты не сомневаясь в правильности принятого им решения, но понимая необходимость юридического оформления, Сталин добавил:

— Об этом назначении будет объявлено в ближайшее время.

Кстати, одну из очень важных проблем Сталин решал, уже опираясь на работу, проделанную генералом Урусовым. Это произошло на второй беседе, 27 мая, когда Гопкинс затронул вопрос о разделе германского флота. Сталин, как говорится, был во всеоружии:

— Как нам известно, некоторые соединения германской армии, сражавшиеся против русских, стремились капитулировать перед западными союзниками. Что касается германского флота, он тоже капитулировал и весь остался в ваших сферах оккупации. Ни один корабль не был передан русским. Я послал президенту и премьер-министру телеграммы, чтобы по меньшей мере одна треть германских военных кораблей и торговых судов была передана Советскому Союзу. Остальная часть может быть использована Великобританией и Соединёнными Штатами по их усмотрению. Если учесть, что мы имеем право на часть итальянского флота, то тем большее

право Советской страны на германский флот. Мы имеем определённую информацию, дающую основание полагать, что США и Англия намерены отклонить просьбу Советского Союза; я должен сказать, если эта информация окажется верной, то это будет крайне неприятно.

Гопкинс заверил Сталина:

— Я уже говорил по этому поводу с адмиралом Кингом и могу заявить, что Соединённые Штаты не имеют никакого намерения задержать какую-либо часть германского флота, а лишь хотят осмотреть эти суда с точки зрения новых изобретений и технических усовершенствований. После этого мы готовы потопить ту часть, которая будет передана нам, они нам не нужны. Я считаю и согласен с вами — германский флот должен быть разделён между союзниками. Я думаю, этот вопрос будет решён именно так на предстоящем совещании глав трёх правительств.

В конце второй встречи, после трудных и долгих дискуссий по поводу ленд-лиза, говорили о судьбе Польши, которую союзники хотели превратить в «санитарный кордон» от коммунизма путём внедрения в Польшу эмигрантского правительства Миколайчика. После всего этого утомлённый (и не очень здоровый) Гопкинс посчитал нужным ещё раз вернуться к одной из вчерашних тем.

— Было бы крайне желательно, чтобы маршал Сталин смог как можно скорее опубликовать сообщение о назначении маршала Жукова советским представителем в Контрольном Совете для Германии, с тем чтобы этот орган мог поскорее приступить к работе.

Сталин заверил гостя:

— Я готов объявить о назначении маршала Жукова либо завтра, либо ещё через день, и вообще когда вам угодно.

На третьей, тоже продолжительной встрече решался очень ответственный вопрос о начале военных действий против Японии. Оговорив неременное обсуждение этого вопроса с Китаем, Сталин обещал, что советские войска начнут боевые действия в августе.

Что бы ни писали о Сталине желающие изображать его только чёрной краской, но даже из встреч с Гопкинсом виден его колоссальный международный авторитет и негибаемость в защите интересов нашего отечества. По всем вопросам, даже там, где он соглашался с Гопкинсом и через него с предложениями президента Трумэна, в конечном итоге получалось так, что позиция Сталина, интересы нашей страны преобладали.

Например, начать боевые действия против Японии СССР обязан был в соответствии с договором с союзниками. И вот

при встрече с Гопкинсом Сталин даёт себя уговорить в том, что уже давно решено, и при этом оговаривает и новое положение, прямо скажем, весьма и весьма непростое:

— Я считаю, после безоговорочной капитуляции Японии Россия будет участвовать в фактической оккупации Японии, и она желает достигнуть с Англией и США соглашения о распределении зон оккупации.

И ещё раз в конце третьей встречи Гопкинс напоминает Сталину, что до сих пор нет официального сообщения о назначении Жукова.

Для меня остаётся загадкой такая настойчивость в отношении кандидатуры маршала Жукова. Боевые действия кончились. Авторитет Жукова в Контрольном Совете способен только подавлять других членов комиссии и усложнить им защиту своих интересов. Зачем так настаивает Гопкинс на его кандидатуре? Единственное, может быть, нелестное для Георгия Константиновича объяснение я вижу в том, что Жуков им хорошо известен как «военная косточка»: прямолинейный строевой командир и никакой не политик, уж тем более не дипломат. Наступила пора ораторских баталлий, а дипломат, как известно, должен говорить одно, думать другое, а делать третье. Жуков на такие выкрутасы явно был не способен. Может быть, поэтому его тянули в

сторону от близких ему военных дел?

Как бы там ни было, а на третьей встрече Гопкинс ещё раз просит Сталина разрешить вопрос о назначении Жукова. Сталин не привык к такой напористости, да и неловко ему, наверное, было оказаться не хозяином слова после того, что в прошлый раз пообещал.

На следующий день в газетах появилось сообщение:

«О Контрольном Совете по оккупации Германии.

По договорённости между правительствами союзных держав на днях создаётся Контрольный Совет из представителей Верховного Командования Советского Союза, Великобритании, Соединённых Штатов Америки и Франции, который будет осуществлять высшую власть союзных держав на время оккупации.

Представителем Советского Верховного Главнокомандования в Контрольном Совете назначен главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии Маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

31 мая 1945 г.».

Обратите внимание: в этой публикации не сказано, кто принимал решение, нет ничьей подписи, нет ссылки на какой-либо официальный орган. Не знаю, в чём причина такой публикации, но, может быть, Калинин был болен или находился в отъезде?

Это предположение могу подкрепить тем, что в перечне присутствовавших членов правительства на приёме у Молотова 31 мая и на обеде у Сталина 1 июня Калинина не было. Но Сталин сказал: «Опубликовать»; и этого было достаточно, надо же было успокоить высокого гостя.

В третьей беседе зашёл разговор о месте очередной встречи глав союзных держав. Гопкинс стал вспоминать, как при возвращении с Ялтинской (Крымской) конференции Рузвельт полагал, что следующая встреча произойдёт в Берлине, это будет символично для победы, которую одержат союзники.

Сталин поддержал:

— Я помню, мы даже подняли тост за следующую встречу в Берлине.

Так было predetermined место следующей конференции руководителей трёх союзных держав, которая войдёт в историю под названием Потсдамской.

Парад Победы

Впервые мысль о необходимости провести Парад Победы высказал Сталин. Шло к концу совещание, начальник Генерального штаба Антонов докладывал расчёты о сосредоточении войск на Дальнем Востоке для боевых действий против Японии. В кабинете присутствовали адмирал флота Кузнецов, начальник тыла Красной Армии Хрулёв и ещё

несколько генералов, которым предстояло заниматься практически подготовкой большой войны на востоке.

Вопрос был решён, помолчали, вот тут Сталин безотносительно к предыдущему разговору сказал:

— Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести в Москве Парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев-солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?

Присутствующие поддержали бы любое предложение Сталина, но это всем к тому же пришлось по душе, мысль эта как бы витала в воздухе, всем хотелось как-то празднично и громко отметить победу. Ну, уже был День Победы 9 мая: погуляли, выпили, салют дали в Москве и городах-героях. Но в те дни вообще много гуляли и выпивали; радость была великая, её в один день не обмоешь. Однако ощущение, что чего-то не хватает, не оставляло. И вот, оказывается (как не раз уже отмечено, всё гениальное просто), нужен Парад Победы. С того дня всё закрутилось-завертелось, в Генштабе и Главпуре были сделаны расчёты: кого приглашать, где им жить, как их одеть, кормить, развлекать — да, и это предусматривалось.

Вопрос о том, кто будет принимать Парад Победы и кто будет командовать парадом, тогда не обсуждался. Однако каждый

считал, что Парад Победы должен принимать Верховный Главнокомандующий. В общем, вопрос этот не ставился и не разрешался, пошла полным ходом подготовка к грандиозному празднику.

По составленному в Генеральном штабе расчёту каждый фронт формировал один сводный полк и по одному сводному полку предоставляли Военно-Морские Силы и Военно-Воздушный Флот. Что значит сводный полк? Это временное формирование, которое отбиралось из разных частей от фронта. Самые достойные фронтовики, добывавшие победу: офицеры, сержанты, рядовые, независимо от рода войск — пехотинцы, артиллеристы, танкисты и так далее. Как воевали вместе, так и пойдут плечом к плечу. В первую очередь отбирали Героев Советского Союза и кавалеров орденов Славы трёх степеней, а затем других отличившихся в боях, по количеству наград.

Полки эти начинали заниматься строевой подготовкой ещё в расположении фронта, а потом перевозились в Москву и продолжали тренироваться здесь. В дни этих занятий всем участникам парада была выдана или сшита новая парадная форма и новая обувь.

Вечером участников парада возили в театры, в концертные залы и в цирк. В эти же дни они встречались с рабочими на заводах, с

учёными и писателями, со студентами и школьниками, побывали в различных коллективах и обществах, где рассказывали, как они шли к победе.

В Генштабе ещё при составлении расчёта встал вопрос: в каком порядке пойдут полки торжественным маршем мимо правительства на трибуне Мавзолея? Было предложено вроде бы логичное — открыть парад должен 1-й Белорусский фронт, бравший Берлин. Но сразу же возник другой, не менее резонный вопрос — 1-й Украинский фронт тоже брал Берлин. Ну а если говорить о победе, то её добывали все фронты и все участники Великой Отечественной войны, начиная с пограничников, которые первыми встретили врага 22 июня 1941 года.

Тогда, чтобы никого не обижать, решили проходить в том порядке, в каком дрались на полях сражений, то есть на самом правом фланге Карельский полк, затем Ленинградский, Прибалтийский и так далее. Это было справедливо и снимало претензии и кривотолки. Всего в каждом полку набиралось до 1000 человек, по двадцать фронтовиков в ряду. Впереди строя — знаменщики-герои, они несут 363 боевых знамени наиболее отличившихся соединений и частей. Впереди знамени пойдёт командование во главе с командующим фронтом. На тренировках маршалы со своими полками

не ходили, руководили и тренировались генералы чинами пониже. После фронтовых полков — войска Московского гарнизона: академии, училища и вызывающие общие улыбки одобрения суворовцы и нахимовцы.

Вот в таком порядке мы тренировались на центральном аэродроме, теперь здесь аэровокзал. Лётное поле было размечено белыми линиями в точном соответствии с размерами Красной площади и порядком построения участников. Вместо Мавзолея стояла временно сколоченная трибуна, обтянутая красной тканью. Тренировались мы ночами: подъём в три часа, умылись, оделись — и на аэродром.

Когда москвичи шли на работу, мы уже заканчивали занятия и возвращались на свои квартиры.

Теперь да будет мне позволено, вспомню переживания очень личные, надеюсь, читатели за это не осудят.

В те дни я был слушателем Высшей разведывательной школы Генерального штаба. Это было очень солидное учебное заведение с четырёхлетним сроком обучения (для сравнения — в Академии Фрунзе, которую я тоже позднее окончил, учились три года). В нашей спецшколе учились только офицеры-разведчики, они прошли огни и воды в годы войны. Народ был отчаянный! Вспоминаю их сейчас с любовью и восхищением, уж каких

только заданий они не выполняли, причём не только в военное время, но и после — в разведке, как известно, мирного времени не бывает.

Мне выпала великая честь быть знаменосцем в нашей колонне разведчиков. Ассистентом знаменосца справа был знаменитый командир партизанской бригады, Герой Советского Союза Гришин, ассистент слева — тоже Герой Советского Союза, старший лейтенант Ворончук. Я был в звании капитана. Вспоминаю о том, что я был знаменосцем в такой колонне необыкновенных людей, с нескрываемой гордостью.

До парада оставалось несколько дней. 12 июня в Кремле Калинин вручил Жукову третью Золотую Звезду — «...за образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями в районе Берлина». После вручения награды Жукова вызвал к себе на дачу Верховный. Естественно, он поздравил Жукова со званием трижды Героя, и обмыли они эту награду. На том застолье на даче Сталин спросил:

— Не разучились ездить на коне?

— Нет, не разучился.

— Вот что, вам придётся принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Жуков ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать Вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать Вам.

Сталин сказал:

— Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе.

Прощаясь, он заметил, как мне показалось, не без намёка:

— Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Будённый.

Благородство? Скромность? Уважение к Жукову? Всё было бы так, если бы за кулисами не творилось иное. Парад намеревался принимать Сталин сам, и именно на белом коне, как все великие полководцы. Об этом стало известно позднее от его сына Василия Сталина, который в кругу собутыльников разболтал тайну своего отца.

А дело (по рассказу Василия) было так. Сталин понимал, что он немолод, и на коня не садился с далёких времён Гражданской войны, да и тогда редко бывал в седле, больше руководил в вагонах. Вот он и решил потренироваться, чтобы не опозориться перед войсками на Красной площади. По его приказу ночью в манеж (благо он рядом с Кремлём и тогда ещё был не выставочным залом, а действующим манежем) привели белого коня, на котором он собирался прини-

мать парад. Сталин хорошо знал историю: конь под победителем должен быть именно белый.

И вот ночью, когда в Москве и в Кремле все спали глубоким сном, Сталин в сопровождении только самого доверенного человека — начальника личной охраны генерала Власика — отправился в манеж. В этот вечер на квартире Сталина был Василий, который увязался за отцом (если бы не он, мы не узнали бы об этом эпизоде из жизни вождя, — Власик умел держать язык за зубами).

В манеже горел полный свет, недалеко от входа стоял белый конь, которого держал под уздцы коновод. Сталин подошёл к коню, потрогал седло, не без труда занёс ногу в стремя. Власик поспешил было ему на помощь, хотел посадить, но Сталин тут же остановил его: «Не надо, я сам». Затем он сильно оттолкнулся от земли правой ногой и грузно плюхнулся в седло. Конь от такой неумелой посадки запрядал ушами и стал перебирать ногами. Чтобы не свалиться, Сталин пытался удержать себя в седле, сжимая крепче ноги. А конь, понимая это по-своему, разгорячился и пошёл боком-бокком, отчего седок сполз набок и стал падать. Коновод, Власик и Василий кинулись на помощь и не дали Сталину рухнуть на землю. Но всё же он из седла вывалился и повис у них на руках.

Встав на ноги, Иосиф Виссарионович недовольно крутнул плечами, освободился от поддерживающих рук, сердито буркнул: «Отойдите». Он был упрям! Злость закипела в нём, решил показать этой строптивой лошади свою твёрдость. Вновь вставил ступню в стремя — и на этот раз более решительно взлетел в седло. «Дай», — сказал коноводу и принял у него поводья. Сталин зло натянул повод и ударил ногами в бока лошади. Хорошо обученный конь не понимал седока: натянутый повод приказывал стоять на месте, удар в бока посылал вперёд. Конь заплясал, перебирая ногами, и опять пошёл боком-боком. Сталин ещё раз дал ему, как говорят кавалеристы, шенкеля, и конь устремился вперёд тряской рысью. Проехав с полкруга, Сталин попробовал выпрямить спину, обрести гордую осанку, но, видно, при этом неловко надавил каблуками на бока лошади, причинив ей боль, и она нервно вскинула задом, отчего Сталин тут же вывалился из седла.

Приближённые кинулись ему на помощь. Они подняли его, принялись отряхивать опилки с его одежды. Сталин держался за плечо, он ушибся довольно сильно.

— Нет, это не для меня, — махнув рукой, сказал Иосиф Виссарионович и вернулся на квартиру.

Когда вся подготовительная работа была проведена, созвали совещание, на которое пригласили командующих фронтами. Был доложен ритуал парада. Остался открытым вопрос, кто будет принимать Парад Победы и кто будет им командовать.

Один за другим выступали маршалы и единодушно предлагали:

— Парад Победы должен принимать товарищ Сталин.

Сталин, по своему обыкновению, ходил по кабинету, слушал выступающих, хмурился. Подошёл к столу:

— Принимающий Парад Победы должен выехать на Красную площадь на коне. А я стар, чтобы на коне ездить.

Все горячо стали возражать:

— Почему обязательно на коне? Президент США Рузвельт — тоже верховный главнокомандующий, а на машине парады принимал.

Сталин усмехнулся:

— Рузвельт — другое дело, у него ноги парализованные были, а у меня, слава Богу, здоровые. Традиция у нас такая: на коне на Красную площадь надо выезжать. — И ещё раз подчеркнул: — Традиция! На белом коне! — После паузы, посмотрев на присутствующих, сказал: — Есть у нас два маршала-кавалериста: Жуков и Рокоссовский. Вот пусть один командует Парадом Победы, а другой Парад Победы принимает.

Был издан приказ Верховного Главнокомандующего от 22 июня 1945 года:

«В ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы.

На парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову. Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому...»

В день парада погода была неважная, дождь моросил, небо в серых тучах. Но всё равно настроение было праздничное. Погодная серость не ощущалась. Красная площадь пылала множеством алых знамён. А участники парада, словно в золотых кольчугах, сияли орденами и медалями. Жуков выехал на белом коне из-под Спасской башни под звон кремлёвских курантов, они отбили десять. Точен, как всегда. На середине строя маршала встретил командующий парадом Рокоссовский, он доложил:

— Товарищ Маршал Советского Союза, войска для Парада

Победы построены! — И тут же ловким движением выхватил строевую записку и вручил её принимающему парад.

Ах, как же были красивы эти два профессиональных кавалериста — спины прямые, в седле сидят как влитые, головы поставлены гордо, груди в орденах развёрнуты...

Жуков после объезда войск легко взбежал на трибуну (даже дыхание не сбилось), поздоровался со Сталиным за руку и начал речь громким чётким голосом. Речь его не запомнилась. И даже когда я прочитал её в газете, всё равно в душу не запала. А я ждал, что в такой торжественный исторический момент будут сказаны какие-то особенные слова. Видно, писали эту речь маршалу с оглядкой на международный резонанс, да и на самого Сталина. Может быть, даже на Политбюро этот текст шлифовали и правили. В общем, всё было в той речи, что полагалось сказать о войне, о победе, но не чувствовалось того зажигающего огня, какой был ну хотя бы в тексте-экспромете Сталина о русском народе. Но нет в этом вины Георгия Константиновича: не сам писал, по тексту видно — не его слова, не его манера. Засушили, закажёнили пугливые чиновники речь маршала.

Говорят, когда Жуков произносил речь, то у Сталина, поглядывающего на маршала, желваки

катались по скулам. Не знаю, не видел, далеко от нас была трибуна, а когда проходили мимо Мавзолея, не до того было. Я видел боковым зрением Сталина и других членов правительства, но лиц их не различал — они стояли как силуэты. Надо было следить за равнением, соблюдать дистанцию, держать знамя в определённом положении, ну и рубить строевым шагом, чтобы искры летели от брусчатки.

После праздника я не раз видел плёнку кинохроники о Параде Победы, разумеется, в первую очередь себя искал. Но когда на экране лицо Сталина появлялось крупным планом, желваков я не видел.

Только на параде я, да и другие участники узнали, что это за несколько длинных шеренг ходило с нами на тренировках с палками. Мы недоумевали — что они делают? — несут длинные палки перед собой, а потом бросают их на землю и уходят. И вот только на параде, после прохождения фронтовых полков, между ними и строями Московского гарнизона эти солдаты оказались с гитлеровскими знамёнами вместо палок. Они их несли как трофей фронтов, опущенными к земле, и с презрением швыряли на землю около Мавзолея. Всё это проделывалось под дробь барабанов, как когда-то в стародавние времена

перед казнью через расстрел или повешение. Знамёна разбитых гитлеровских дивизий, включая и личный штандарт Адольфа Гитлера, солдаты швыряли как старые тряпки и, отвернувшись от них, уходили на своё место в строю. А потом опять грянул тысячетрубный оркестр, и мы пошли торжественным маршем вслед за фронтовыми колоннами.

Единственными из союзников имели честь участвовать в историческом Параде Победы воины Польши.

В параде боевой техники вышли на Красную площадь машины с расчётами зенитных установок.

Их сменила артиллерия, представленная во всём своём величии и мощи. Чётким строем по 12 орудий в ряд прошли батареи противотанковой артиллерии. За ними крупнокалиберные орудия — гроза немецких «тигров», «пантер» и «фердинандов», гвардейские миномёты «катюши», тяжёлая артиллерия.

Апофеозом демонстрации технической мощи победителей стало прохождение лучших танков Второй мировой войны — Т-34 и ИС. Парад техники завершили самоходные артиллерийские установки.

Из-за дождя демонстрация трудящихся была отменена...